

Личность и власть.

Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 2) ¹

В первом сообщении нами были выделены три этапа личностной самореализации Г. Е. Распутина и показано, что, хотя у него и отмечались явные признаки истероидной психопатии, в течение определенного времени (в условиях глобального социального кризиса России начала века) он оказался способным найти свою «экологическую нишу». Данное сообщение посвящено последнему, четвертому этапу (1913–1916 гг.) жизни Г. Е. Распутина, характеризующемуся личностной декомпенсацией с выраженными явлениями социальной дезадаптации практически во всех сферах социального функционирования.

1913 год стал роковым для Григория Распутина. Волна ненависти к «старцу» поднялась на небывалую высоту. Экстремистски настроенные черносотенцы стали разрабатывать планы его физического уничтожения [6, 20].

В октябре Илиодор сколотил банду «из обиженных Распутиным девушек и женщин» [7, с. 185], перед которыми была поставлена задача оскопить «старца». «Уже были пошиты великосветские платья» для внедрения террористок в аристократическую среду, но нашелся предатель, и дело сорвалось [7, с. 179]. Тогда одна из участниц труфановской «команды» Хиония Кузьминична Гусева — 28-летняя крестьянка Симбирской губернии, по словам Илиодора, «девица умная, серьезная, целомудренная» [7, с. 184], правда с провалившимся от сифилиса носом, поклялась в одиночку покарать Григория [7, 20]. Именно в этот период «антираспутинский психоз» охватил все высшее петербургское общество. Всюду были разговоры о Распутине, и «всех он волновал» [19, с. 86]. О том, что «старец» состоял при Дворе в качестве хранителя здоровья больного цесаревича, все как будто позабыли. Сжатые со всех сторон кольцом неприязни, Александра Федоровна и Распутин еще более остро ощутили психологическую потребность во взаимной поддержке, а с другой стороны, еще сильнее отделились от осуждавшего их общества, стали более явно противопоставлять

¹ Печатается по: Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1996. № 1. С. 92–102.

свою волю воле потерявших в глазах императрицы доверие аристократов. Именно в этот период «министры и начальники ведомств стали получать все большее и большее количество своеобразных его (Распутина. — *Авт.*) писем об оказании внимания лицам, рекомендованным им» [10, с. 289–290].

Таким образом, примерно с конца 1913 г. у Распутина появились первые симптомы декомпенсации истероидной психопатии. Он судорожно пытался удержаться «на плаву», однако при этом стремился изменить ход событий за счет активного проявления именно тех качеств, которые изначально вызывали у окружающих наибольшее раздражение. Этот процесс достигнет у Распутина кульминации в годы Первой мировой войны.

Наряду с этим, Распутин лихорадочно искал возможность психологически опереться. Единственная доступная ему форма социальной адаптации заключалась в подборе такого окружения, которое готово было принимать распутинскую патологию в качестве нормы и которая могла бы психологически оградить Григория от сыплющихся на него со всех сторон обвинений и проклятий. Безвольного и слабого царя, декомпенсированной еще в большей степени, чем сам Распутин, императрицы, а также преданной, но слишком одинокой Анны Вырубовой было явно недостаточно.

И тогда Распутин стал интуитивно находить великосветский «андеграунд», состоявший из негласно отверженных сановников и аристократов. В орбиту «старца» постепенно оказались вовлеченными бывший председатель Совета министров С. Ю. Витте, редактор крайне правого еженедельника «Гражданин» князь В. П. Мещерский, «петербургский Хлестаков» князь Андронников, уже упоминавшийся Манасевич-Мануйлов, тибетский медик Бадмаев, а также один из церковных иерархов — Пителир, которого Распутин сделал сперва экзархом Грузии, а затем петроградским митрополитом.

Всех этих людей (за исключением Витте и Бадмаева), помимо тесных связей с отцом Григорием, объединяло еще одно обстоятельство: все они были гомосексуалами и, в силу этого, находились в сложных и двусмысленных отношениях с тогдашним обществом, поскольку великосветская мораль конца XIX — начала XX в. этикетировала гомосексуальные связи как «гнусные», «грязные», «отвратительные». В то же время субкультура аристократического гомосексуализма была в конце XIX — начале XX в. достаточно мощной. В итоге у большинства российских гомосексуалов должны были формироваться, с одной стороны, психология отверженных, а с другой стороны — стремление к групповой солидарности, что находило выражение в образовании

ими различных «кружков проходимцев и аферистов» (терминология П. Н. Милюкова) [16, с. 191].

Именно к этим «отверженным» потянулся за поддержкой Григорий Распутин после того, как высший свет и образованное общество в целом окончательно консолидировались против него. Контакт с гомосексуалами был для Распутина тем более естественным, что никаких исходных предубеждений против них у бисексуально ориентированного «старца» не существовало.

Граф Витте и лекарь Бадмаев тоже были из разряда «изгоев»: первый обладал стойкой репутацией политического афериста, не угодного ни царю, ни либералам [3], второй являлся «незаконным знахарем», неоднократно привлекавшимся к уголовной ответственности [3, с. 281].

28 июня 1914 г. «старец» вместе с дочерьми прибыл в Покровское. На следующий день у ворот безногая нищенка (Хиония Гусева) неожиданно выхватила из-под своих лохмотьев солдатский тесак и ударила им Распутина в нижнюю часть живота, метясь, по всей вероятности, в половые органы. Психиатрическая экспертиза признала террористку невменяемой, и она была помещена в томскую психиатрическую больницу [2]. Истекавшего кровью Распутина внесли в дом. В дальнейшем ему была сделана операция, после чего «старец» быстро пошел на поправку [3].

Россия тем временем вступила в Первую мировую войну и переживала патриотический экстаз. Трезво взглянуть на происходящее удавалось немногим, прежде всего тем, кто не идентифицировал себя с «ликующим большинством». Войну резко осуждали и гр. Витте, и кн. Мещерский [3]. Против войны недвусмысленно высказался и «старец» Григорий. «Милый друг! — писал он в июле 1914 г. Николаю II. — Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет, слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неопикуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят и верные, не зная, что ради погибели. Тяжко божье наказание, когда ум отнимет путь, начало конца» [25]. 19 июля, в день начала войны, Распутин в полном отчаянии шлет повторную телеграмму царю. Помимо пацифистских настроений, Распутин в данном случае в очередной раз продемонстрировал недюжинное чутье, поскольку именно война в конечном счете явилась главной причиной его собственной гибели.

«Государя телеграмма раздражила», — отмечает Вырубова [5, с. 247], и в результате Распутин, по возвращении в Петроград, был отлучен от Двора и даже лишен автомобиля [20]. Размолвка с царем воспринималась Распутиным очень остро — в форме выраженной

невротической депрессии. Григорий теряет способность исцелять, вступает, по словам Матрены [26, с. 203], в период «темной ночи души», меряет комнату шагами, мучается, ожидая, что царь вот-вот сменит гнев на милость. В конце концов не выдерживает и уезжает в Покровское, где, судя по всему, впервые после долгих лет воздержания, начинает пить [26].

Царская опала усугубляется ростом всеобщего озлобления против «старца». Распутину угрожают по телефону: «Твои дни сочтены... пощады не будет — рука у нас не дрогнет, как у Гусевой». Какие-то неизвестные люди справляются о Григории у швейцара в доме на Гороховой, неожиданно появляются и исчезают в Покровском [3, с. 219]. Распутин нервничает, опасаясь, что в МВД, во главе которого стоят враги Григория кн. Н. Б. Щербатов и Джунковский, зреет план его физического уничтожения. «Скучно, затравили, чую беду» [3, с. 187].

2 января 1915 г. Анна Вырубова попадает в железнодорожную катастрофу и оказывается без сознания с тяжелейшими переломами костей черепа. Будучи в «бредовом горячечном состоянии», не открывая глаз, Анна Вырубова повторяла только одну фразу: «Отец Григорий, помолись за меня!» Царица позвонила Распутину. Стремительно войдя в палату без разрешения, ни на кого не обращая внимания, даже не поздоровавшись с царями, Распутин подошел к Вырубовой, взял ее за руку и, пристально смотря на нее, произнес: «Аннушка! Проснись, погляди на меня!» К изумлению всех присутствующих, Вырубова открыла глаза и, увидев склоненное над нею лицо, улыбнулась: «Григорий, это ты? Слава Богу!». Тогда Распутин, обернувшись к присутствующим, объявил: «Жить будет, но останется калекой», — после чего, шатаясь, вышел в соседнюю комнату и рухнул в обморок [20, с. 18–19]. Так «сотворивший чудо» Григорий вернул пошатнувшееся было доверие к нему со стороны царя.

Вскоре после этого внутриполитическая ситуация резко осложнилась и потребность в Распутине как личном психотерапевте у императора вновь возросла. В дальнейшем, когда Николая упрекали в том, что его дружба с Распутиным губельна для династии, царь неизменно возражал: «Как раз наоборот. Вот посмотрите: когда у меня забота, сомнение, неприятности, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать укрепление и успокоение [18, с. 55].

Однако, несмотря на огромное усиление собственной власти над царями, Распутин чувствовал себя все более одиноким. Окончательный перелом в его поведении произошел весной 1915 г. Именно с этого

времени Григорий стал вести себя так, как если бы все находившиеся поблизости люди заведомо являлись его яркими поклонниками, что свидетельствовало о явных проявлениях декомпенсации у психопатической личности.

25 марта Распутин приехал на пять дней в Москву, и о его посещении ресторана «Яр» вскоре заговорила вся Россия [3, 18]. Компания во главе с Распутиным появилась в «Яре» в 11 часов вечера. Пили много. Сильно разгоряченный Распутин принялся рассказывать о своих сексуальных похождениях в Петрограде, называя фамилии покоренных им женщин, «раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную подробность». Вслед за оркестром балалаечников появился женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэжуок». В ответ Распутин выплясал «русскую», после чего, решив, вероятно, что произведенное им впечатление более чем благоприятно, принялся откровенничать с певичками: «Этот кафтан подарила мне “старушка” (так называл Распутин Александру Федоровну), она же его и шила». «Я делаю с ней все, что хочу», — прибавил он неожиданно для самого себя, и, почувствовав на миг, что теряет самоконтроль, тряхнул бородой: «Эх, что бы “сама” сказала, если бы меня сейчас здесь увидела!»

Начав с демонстрации царицына жилета, Распутин кончил тем, что сбросил с себя верхнюю одежду и «сделал непристойный жест». Не удовлетворившись жестом, он «обнажил половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: “люби бескорыстно” и пр. Хористки потребовали немедленно его удалить, заявив, что петь они не будут». Раздосадованный Григорий выдвинул аргумент в свою пользу: «В царской семье я показывался, может быть, еще в более интересном виде». Тогда хоровой регент стал упрекать Григория в неуважительном отношении к женщинам, на что Распутин возразил, что «всегда себя так перед ними держит, и продолжал сидеть в том же виде». Почувствовав все же, что на «бескорыстную любовь» со стороны ресторанных певичек рассчитывать не приходилось, Распутин вручил некоторым из них по 10–15 рублей, взяв деньги у одной из спутниц, оплатившей и прочие расходы по «Яру». Деньги хористки приняли. Около двух часов ночи компания разъехалась. Распутин вышел последним, бранясь, рыгая и пошатываясь.

Инцидент в «Яре» и доклад о нем царю, сделанный товарищем министра внутренних дел Джунковским [3, 6], совпали по времени с резким всплеском оппозиционных настроений в обществе, вызванных успешным весенне-летним наступлением немецких

войск, и захватом ими значительной части российской территории. Практически единодушным требованием общества стал немедленный созыв Государственной Думы и уход в отставку запятнавших себя покровительством Распутину министров. На фоне впечатлений, почерпнутых из доклада Джунковского, царь в течение июня-июля уволил всех вызывавших общественное раздражение лиц, назначив на их место антираспутинцев.

Едва вступив в управление ведомством, новый обер-прокурор А. Д. Самарин выдвинул ультиматум, который фактически означал следующее: «Или я, или он» [18]. В итоге Распутин «по совету врача» был срочно командирован в Покровское. Впервые царю пришлось практически насильно выдворять Распутина из Петербурга.

19 июля открыла заседание чрезвычайная сессия оппозиционно настроенной Государственной Думы, которая тут же потребовала отставки председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, не без основания подозревая его в связях со «старцем». Конфликт царя с только что созванной Думой и назначенными им же министрами создал хорошие предпосылки для возвращения Распутина в Петроград. По телеграмме Александры Федоровны, 31 июля Григорий срочно примчался из Покровского и в тот же день имел беседу с Николаем [3], укрепив его в намерении принять на себя бремя управления всей русской армией (вместо активного антираспутинца великого князя Николая Николаевича), против чего категорически возражали и большинство министров, и Дума.

Однако недруги Григория не сдавались. 4 августа генерал Джунковский сделал повторный доклад о поведении Распутина в «Яре», снабдив рассказ куда более яркими, чем в прошлый раз, подробностями. «Таким я никогда до того даже и не видел государя», — поведал Белецкому обескураженный Распутин о произошедшей в тот же день встрече с царем. В ответ на высочайшие упреки Григорий не нашелся, что возразить, и лишь сокрушался: «Я, как и все люди, грешен — не святой» [19, с. 13].

На следующий же день Распутин был вынужден покинуть Петроград, Григорий был в отчаянии, которое привело к очередному проявлению психопатической декомпенсации. На пароходе, везшем его в Тобольск, совершенно пьяный Распутин, чувствуя себя фактически сосланным, стал нарочито куражиться: собрал вокруг себя солдат, призывая их петь хором, обозвал официанта «жуликом», заявив, что тот украл у него 3 тысячи рублей, наконец, «позволил себе неуважительно отозваться об императрице и ее августейших дочерях» [12, с. 278–279]. В итоге на Распутина было заведено два дела: «быто-

вое» (об оскорблении официанта) и «политическое» (об оскорблении царственных особ). Джунковский ликовал. Однако 15 августа он, под давлением Александры Федоровны, был отправлен в отставку. К этому времени императрице удалось убедить своего патологически бесхарактерного супруга в том, что произошедший в «Яре» инцидент лишней раз подтверждает святость отца Григория: «Адские силы расставили Нашему Другу страшную ловушку, и он не отделался бы так дешево без Божьей помощи», — внушала Александра Николаю [6, с. 33]. 23 августа 1915 г. Николай подписал указ о своем назначении Главнокомандующим и вскоре отбыл в Ставку. Распутин вновь вернулся в столицу.

Определяющим при назначении на все ответственные посты отныне стало являться отношение того или иного сановника к «Нашему Другу», а равным образом отношение «Нашего Друга» к предлагаемой кандидатуре [1]. В отставку стали отправляться один за другим все выступавшие против Распутина и премьер-министра Горемыкина члены кабинета. В это же время министром внутренних дел становится А. Н. Хвостов, а директором Департамента полиции — Белецкий, заявившие о своем лояльном отношении к «старцу» [3, 20].

Хвостов, рассчитывающий при помощи Распутина занять кресло Председателя Совета министров, довольно скоро столкнулся с упорным нежеланием Григория помочь ему в этом деле: «Больно много сразу хочет А. Н. Хвостов, пусть не горячится: все будет в свою пору» [20, с. 74].

Тогда «Алешка» (так называл Хвостова Распутин) решил физически устранить Распутина. Разработанных Хвостовым сценариев покушения на отца Григория хватило бы не на один детективный телесериал, но все эти планы остались нереализованными по причине предельной несерьезности и нерешительности их организаторов и исполнителей [3, 12, 20].

В разгар организованной против него Хвостовым интриги Распутин предпринял ловкий политический ход, решив уговорить царя лично явиться в Думу и примириться с либеральными оппозиционерами, заявив им: «Я ваш, и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу» [20, с. 42]. 9 февраля 1916 г. Николай в первый и последний раз в жизни переступил порог Государственной Думы. Маневр удался: вплоть до осени 1916 г. депутаты вели себя относительно спокойно, а фрондер Хвостов — остался без потенциальной поддержки со стороны думских оппозиционеров.

18 февраля 1916 г. царь вернулся из Ставки, однако решился на увольнение Хвостова не сразу. Колебания Николая были вполне объяснимы. Отставка крайне правого монархиста только за то, что

он осмелился противостоять «старцу», пусть даже в столь своеобразной форме, как организация заказного убийства, могла вызвать в обществе очередную волну раздражения. Лишь 27-го числа Николай «позвал его, Распутина, причащаться и говеть, — с горечью рассказывал впоследствии Хвостов, — и в день причастия они обнялись... Распутин говорит: «Мне нужно уехать, и я приехал проститься!..» Царь сказал: «Мы не расстанемся с тобой — ни за что на свете!» Тогда-то он вынул бумажку: мою отставку» [20, с. 301].

Избавившись от угрозы со стороны Хвостова, Распутин не почувствовал себя спокойнее: «Я еще раз вытолкал смерть... Но она придет снова... Как голодная девка пристает» [14, с. 207]. Григорий попытался было скрыться с глаз врагов в Покровском, но долго там не выдержал и вскоре вернулся в столицу.

18 сентября 1916 г. управляющим МВД был назначен последний из министерских протеже Распутина — А. Д. Протопопов, человек, искренне стремившийся к тому, чтобы спасти Григория от надвигающейся на него со всех сторон опасности, но так и не сумевший это сделать. Вряд ли, однако, в этом повинен прогрессивный паралич, которым страдал вновь назначенный руководитель МВД. Личность Распутина к осени 1916 г. оказалась настолько изуродованной и истерзанной непрекращающимися нападками со стороны огромного числа людей, а поведение настолько вызывающим и саморазрушающим, что гибель «старца» становилась практически неизбежной.

1 ноября 1916 г. Милюков произнес в Думе речь, получившую впоследствии название «Глупость или измена?». В ней он фактически уличал тогдашнего премьер-министра Б. В. Штюрмера и Александру Федоровну в немецком шпионаже. Выступление Милюкова свидетельствовало о том, что «патриотический психоз» общественности вступил в качественно новую фазу. 19 ноября с думской трибуны раздался вопль черносотенца В. М. Пуришкевича: «Господа министры! <...> не подobaет темному мужику дольше управлять Россией <...> этот Гришка опаснее Гришки Отрепьева» [24, с. 288]. 22 ноября Государственная Дума приняла резолюцию о том, что «влияние темных безответственных сил должно быть устранено» [17, с. 607].

Со своей стороны, массивный натиск на Николая организовали фрондирующие аристократы, использовавшие, как таран, чуть ли не всех царских родственников поголовно. Но царь был непреклонен. Оскорбленный бомонд в лице супруги лидера думской фракции националистов М. Г. Балашевой стал собирать подписи под коллективным письмом придворных и сановных дам, требующих создания «ответственного министерства» [4].

В этой сгустившейся до удушья атмосфере оформился последний заговор против Григория Распутина. Его участниками стали: высокий статный красавец великий князь Димитрий Павлович; его изящный и изысканный друг князь Ф. Ф. Юсупов, женатый на племяннице Николая II Ирине: друг Юсупова — капитан С. М. Сухотин; член Государственной Думы В. М. Пуришкевич и его сотрудник по санитарному поезду военный врач С. С. Лазоверт.

В настоящее время ни одна из существующих версий истинных мотивов убийства Г. Е. Распутина не может быть признана сколько-нибудь убедительно аргументированной. Рассказы Ф. Ф. Юсупова, В. М. Пуришкевича, М. Г. Распутиной, материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, дневники великого князя Николая Михайловича, другие источники, а также основанные на них гипотезы различных авторов до такой степени внутренне и внешне противоречивы, что оставляют простор для дальнейшего построения бесчисленного множества новых версий. Очевидно, для внесения ясности в данную проблему требуется качественно более глубокий анализ имеющихся, а главное, поиск новых источников и свидетельств.

Тема настоящей статьи, однако, предполагает выяснение не того, по какой именно причине заговорщики решили убить Г. Е. Распутина и как именно они привели в исполнение свой замысел, а того, каким образом сам Распутин — человек феноменальной интуиции и умения верно определять отношение к нему — смог психологически просчитаться, позволив своему убийце Ф. Ф. Юсупову заманить себя в ловушку. Попытаемся ответить на этот вопрос.

По версии знавшего Распутина с 1909 или 1910 г. князя Феликса Юсупова [3, 9], осенью 1916 г., посоветовавшись со своими товарищами — Димитрием Павловичем и Сухотиным, — он решил «приблизиться к Распутину и завоевать его доверие» [9, с. 149] с тем, чтобы путем подкупа или, в крайнем случае, убийства отстранить его от влияния на царей. Сблизиться с Распутиным Юсупов решил через общую знакомую «М. Г.» (имеется в виду одна из поклонниц Распутина Мария Головина).

Если проанализировать дальнейший ход событий, как его излагает сам Юсупов, то в его рассказе можно найти огромное количество несообразностей, однако не останавливаясь на них, обратим внимание лишь на те факты, которые могут помочь в истолковании поведения Распутина.

Добившись встречи со «старцем», Феликс просит Распутина заняться его лечением. Тот с радостью соглашается. Однако Феликс почему-то

вдруг решает «не искать свиданий с ним». Напротив, явно оживившийся «старец» уговаривает Юсупова приехать к нему. «Он хочет со мной познакомиться», — отмечает про себя Феликс [3, с. 282] и исполняет на следующий день для Распутина несколько романсов под собственный гитарный аккомпанемент. Распутин весел и разговорчив, ему явно нравится молодой красавец князь: «Славно поешь, душа у тебя есть... Много души... А ну-ка еще». В ответ Феликс напоминает о своей болезни. Распутин прямо заявляет о своем желании проводить с Феликсом свободное время: «Вот поедешь со мной к цыганам, всю болезнь как рукой снимет» [3, с. 284].

Некоторое время Юсупов уклоняется от встреч с Распутиным. Григорий нервничает: «Хочу тебя почаще видеть, почаще»; «Наконец-то пришел... уж сколько дней все жду да жду, а тебя все нет!» [3, с. 285–286]. «Распутин подвинулся и взял меня за руку. “Ну что, милый, — ласковым голосом произнес он. — Вот теперь и приезжай почаще, хорошо тебе будет”. <...> Он гладил мою руку и пристально смотрел в глаза. “Ты не бойся меня, — заговорил он вкрадчиво, — вот поближе сойдемся... то и увидишь, что я за человек такой...” Вдруг, резко повернувшись, он подошел ко мне, близко нагнулся к моему лицу и пристально на меня посмотрел... погладил меня по спине, хитро улыбнулся и вкрадчивым голосом спросил, не хочу ли я вина... выпил за мое здоровье. “Когда опять ко мне приедешь?.. Заходи скорей”. И он обнял меня и поцеловал» [3, с. 286–290].

И вновь Юсупов избегает встречи, а Распутин страстно ее желает. Наконец, Феликс приезжает на чаепитие к Григорию. В этот раз «лечение» началось. «Пойдем в мой кабинет, там нам никто мешать не станет... ты только слушай меня, милый. После этих слов “старец” уложил меня на диван, встал передо мною и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове... Сила гипноза Распутина была огромна... Он взял с меня обещание приехать к нему в один из ближайших дней» [3, с. 294].

Юсупов не пишет ничего конкретного о последующих «сеансах». Вместо этого он отмечает телеграфным стилем: «После этого гипнотического сеанса я много раз бывал у Распутина, то с М. Г., то один. Лечение продолжалось, и с каждым днем доверие “старца” ко мне возрастало» [3, с. 294]. Ничего не говорит Юсупов и о результатах лечения, как, впрочем, и о характере самого заболевания.

Содержание жалоб Юсупова проясняется из следующего высказывания Распутина, которое, со слов самого Феликса, приводит в своем «Дневнике» Пуришкевич [22, с. 57]: «Зачем ты, Феликс... не бываешь у Бадмаева — нужный он человек, полезный человек, ты иди к нему,

милой, больно хорошо он лечит травочкой, все только травочкой своею... Даст он тебе махонькую-ма-ахонькую рюмочку из травушки своей, и у!-ух! как бабы тебе захочется». То, что молодой Юсупов был гомосексуалом, по словам известного исследователя Дома Романовых Стефана Скотта, «ни у кого не вызывало сомнений» [21, с. 104]. Фактически это же подтверждает и сам Юсупов [9].

«Для удобства их свиданий, — сообщает Николай Михайлович, — Юсупов наметил особняк отца, где они могли свободно встречаться и никто не мог там им помешать» [13, с. 99]. Однако, покуда в особняке шел ремонт, Юсупов продолжал посещать Распутина в его квартире на Гороховой. «Эти посещения были для меня настоящей пыткой» [3, с. 305]. «Весь его вид производил отталкивающее впечатление чего-то необычайно отвратительного», — комментирует Юсупов свои впечатления от «старца» [3, с. 280].

О том, как бисексуальный Распутин «лечил» Феликса от гомосексуализма, догадаться несложно, тем более что на это довольно прозрачно намекает Николай Михайлович в своих «Записках», предназначенных для последующей публикации и в силу этого написанных частично эзоповым языком. «Гришка сразу полюбил его, — отмечает великий князь, сам являющийся гомосексуалом, с которым Юсупов был предельно откровенен в своих рассказах, — много толковали о том о сем и вскоре совсем доверился ему. Они виделись чуть ли не ежедневно. Шли недели, и Распутин был убежден, что Феликс им окончательно загипнотизирован. Феликс же чувствовал на себе ток его влияния, но вместе с тем и внутренний какой-то отпор его собственной натуры на гипноз Гришки. Чем больше они виделись, тем больше Распутин становился ему противным... А тем временем Распутин все больше влюблялся в Юсупова... Неужели во время нескончаемых бесед между собою они только пили, ели и болтали! Убежден, что были какие-то физические изливания дружбы в форме поцелуев, взаимного ощупывания и, возможно... чего-то еще более циничного» [13, с. 104].

Николай Михайлович, судя по всему, и предложил отравить Распутина цианистым калием, но так, чтобы сами заговорщики остались при этом в стороне. Наиболее грязную часть работы должен был исполнить кто-нибудь из радикально настроенных политиков. Сперва на эту роль планировались кадеты как наиболее яркие оппозиционеры. Однако прозондированный Николаем Михайловичем и Феликсом Юсуповым известный думский «златоуст» Николай Маклаков, выразив горячее сочувствие заговорщикам, от непосредственного участия в убийстве отказался, ограничившись детальной консуль-

тацией Феликса и презентацией ему модернизированного кистеня с рукоятью [15].

Тогда выбор пал на более отчаянного В. М. Пуришкевича. Николай Михайлович, с одной стороны, спровоцировал Пуришкевича на произнесение шумной антираспутинской речи, а с другой — отправил в этот же день в Думу Юсупова, чтобы тот имел возможность выйти с Пуришкевичем на более близкий контакт на базе «общих политических настроений» [23].

В отличие от осторожного либерала Маклакова, прямодушный Пуришкевич не только с радостью согласился уничтожить ненавистного «Гришку», но тут же принялся по всем углам трезвонить о своем участии в столь важном государственном заговоре. Правда, его «ноздревским» заявлениям, делаемым даже в присутствии журналистов, мало кто поверил [1, 15]. В то же время некоторые из лидеров кадетской партии узнали о готовящемся теракте со слов Василия Маклакова [23]. В полицию с доносом, однако, никто не устремился: все желали скорейшего убийства.

В конце концов о подготовке покушения начинают догадываться и в МВД. Накануне Белецкий предупреждает Распутина о необходимости «быть осторожным в поездках» [20, с. 20]. В день убийства Анна Вырубова страстно пытается отговорить Распутина от визита к Юсупову, предпринимаемого якобы для исцеления жены Феликса Ирины [11, с. 197–198]. Чтобы отделаться от надоедливой «Аннушки», Распутин обманывает ее, обещая, что никуда не поедет. Вечером того же дня к Распутину на квартиру является управляющий МВД Протопопов, предупреждающий его о готовящемся заговоре [3, с. 310]. Но Распутин в ослеплении. Он едет к Юсупову, чтобы поскорее увидеть наконец-то отремонтированное «гнездышко», предназначенное для свиданий с Феликсом.

Широко распространено мнение, что Распутина «приманили» красавицей Ириной. Эту версию поддерживает и сам Юсупов. В действительности (и Распутин, скорее всего, знал об этом) супруга Юсупова находилась в этот момент в Крыму. Но даже если он об этом не ведал, почему, собираясь исцелять Ирину, Распутин (как указывает тот же Юсупов) решил захватить с собой деньги, чтобы отправиться той же ночью к цыганам? Как истолковать неожиданное приглашение немедленно отправиться к цыганам, которое делает Распутин Юсупову, едва переступив порог его дома и совершенно не вспоминая при этом ни о какой Ирине? [3]. Все несуразности исчезают, если мы допустим единственно правдоподобное: княгиней Ириной Распутина не заманивали. Григорий собирался развеяться душой и телом в эту ночь именно с Феликсом.

Распутин должен был умереть от цианистого калия, введенного в пирожные и в вино. Пуришкевич утверждает, что яд Юсупову был предоставлен все тем же Маклаковым. Сам Василий Алексеевич решительно протестует: «Это совершенная неправда» [15, с. 272]. В то же время не может не броситься в глаза то повышенное внимание, которое уделяет проблеме цианистого калия и его свойств Николай Михайлович. В своих «Записках» он вспоминает, что в прошлом, как цветовод, имел опыт работы с цианидами, в связи с чем решительно отвергает версию о том, что Распутину был подсыпан вообще не яд: «тот же раствор яда был дан большой собаке, которая тут же околела, проглотив его» [13, с. 101]. Вероятнее всего, подытоживает великий князь, отсутствие быстрого эффекта от действия цианистого калия было связано с технической ошибкой при его разведении: раствор был слаб и, конечно, произвел бы действие, но позже. Учитывая, что сам Юсупов старательно обходит стороной вопрос об источнике получения цианистого калия, впору задаться вопросом: а не был ли «автором» яда все тот же «бывший цветовод»?

Официальная история смерти Распутина общеизвестна. Убитый выстрелами Юсупова и Пуришкевича, он был сброшен в прорубь с моста.

Итак, каким все же образом Распутин, с его развитым инстинктом самосохранения мог не заметить психологическую неприязнь к себе со стороны Феликса, не почувствовать ничего подозрительного даже в самый день покушения, не заподозрить неладное, когда очутился один на один в подвале с более чем настораживающе ведущим себя Юсуповым? Вот что пишет Николай Михайлович: «Чем объяснить неограниченное доверие, которое оказывал Распутин молодому Юсупову, никому вообще не доверяя, всегда опасаясь быть отравленным или убитым? Остается предположить... что-то совсем невероятное, а именно — влюбленность, плотскую страсть к Феликсу, которая омрачила этого здоровенного мужчичку-развратника и довела его до могилы» [13, с. 104].

«Гомосексуальное» объяснение внезапно постигшей Распутина душевной слепоты отчасти верно. Однако остается все же непонятным, почему синдром «слепой любви» (хотя истинная влюбленность в кого-либо вообще нехарактерна для истероидов) обнаружился у Григория столь поздно? Разумеется, нельзя сбрасывать со счета соображения, высказанные по этому поводу Д. Д. Исаевым [8]. И все же, судя по всему, князь Феликс был для Распутина не просто сверхпривлекательным романтически-сексуальным объектом. Юсупов появился на горизонте «старца», когда тот остро нуждался в психологической опоре, в том, чтобы найти хоть какую-нибудь компанию «для души»,

ибо ежедневно и ежечасно сталкивался с резко отрицательным и хулильным отношением к себе, что является для истероидного психопата непереносимым испытанием. Стремясь к постоянному общению с Феликсом, Распутин, как и прежде, продолжал любить себя и только себя. Но личность Юсупова оказывалась для Григория в этой связи тем более ценной, что князь был, по сути, единственным, с кем Распутин мог забыть об окружавшей его со всех сторон стене злобы и неприязни. Провокационное поведение Феликса, завлекшего Распутина первоначальным кокетством, в итоге привело к тому, что Григорий действительно бросился в любовь, «как в омут».

Таким образом, пример Распутина позволяет обратить внимание на тот факт, что хотя психопатическая личность на определенном жизненном отрезке и при особо благоприятных социальных условиях способна добиваться значительных карьерных успехов, социальный успех психопата оказывается недостаточно стабильным: чем выше он взбирается по социальной лестнице, тем в более напряженную и неразрешимо противоречивую ситуацию себя загоняет, а используемые приспособительные механизмы по мере продвижения по социальной лестнице вверх (а также — при исчезновении благоприятных внешних обстоятельств) оказываются все менее эффективными, что в конечном счете обуславливает социальный и личностный крах такого индивидуума.

Жизнь и смерть Григория Ефимовича Распутина позволяет, помимо этого, задуматься о том, сколь опасной для общества в целом и для самого психопата является ситуация, когда он в силу каких-либо обстоятельств прорывается к власти. Общество в этом случае впадает в «коллективный психоз» и начинает «бредить» опасными химерами, а манипулирующий им психопат, в свою очередь, неизбежно декомпенсируется, поскольку обладает столь уязвимым складом характера, что оказывается не в силах выдержать все те душевные перегрузки, которые несет с собою власть.

В странах, где демократия уже устоялась и стала традицией, приход к власти психопата практически исключен: слишком долг и непрост путь наверх, слишком напряженна игра по строгим и неизменным правилам. Однако в тех случаях, когда общественная жизнь находится в состоянии резких перемен (Россия начала века в этом плане напоминает Россию сегодняшнюю), вероятность появления «политического парвеню», «чёртика из табакерки», который вдруг выскакивает и переворачивает страну вверх дном, весьма велика. И не важно, по какой именно лестнице взберется наверх этот «чёртик», по мраморной лестнице Зимнего дворца или по бумажной

пирамиде, сложенной из миллиона избирательских бюллетеней. Результат будет один и тот же: катастрофа. Но если так, то, может быть, впору поставить вопрос об обязательном медицинском (психиатрическом и наркологическом) освидетельствовании (возможно, с привлечением психиатров и наркологов из других стран) всех лиц, претендующих в нашей стране на высшие политические посты, чтобы не было потом необходимости открывать сезон охоты на очередного «святого чёрта»?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержений. М., 1989.
2. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914–1917. Л., 1990.
3. *Амальрик А.* Распутин. Документальная повесть. *Юсупов Ф.* Конец Распутина. М., 1992.
4. *Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В. и др.* Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993.
5. *Вырубова А.* Страницы из моей жизни // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 237–344.
6. *Евреинова Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.
7. *Илиодор (Сергей Труфанов).* «Святой чёрт». (Записки о Распутине). М., 1917.
8. *Исаев Д. Д.* Комментарий к статье А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского «Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет» // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 112–117.
9. *Князь Феликс Юсупов.* Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993.
10. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.
11. Красный архив. Исторический журнал. М., 1923. № 4. С. 197–198.
12. Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. № 5. С. 270–288. «Распутин в освещении охранки».
13. Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49). С. 92–111. «Записки Н. М. Романова».
14. Красный архив. Исторический журнал. М., 1936. № 4 (77). С. 205–208. «Допрос И. Манасевича-Мануйлова».
15. *Маклаков В.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1928. № 34. С. 260–281.
16. *Милюков П. И.* Воспоминания (1859–1917). Т. 3 (серия мемуаров «Память»). М., 1990.
17. *Ольденберг С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
18. *Палеолог М.* Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923.

19. *Родзянко М. В.* Крушение империи. Харьков, 1990.
20. Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991.
21. *Скотт С.* Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? / Пер. с англ. Екатеринбург, 1993.
22. *Пуришкевич В.* Убийство Распутина (из дневника В. Пуришкевича). М., 1923.
23. *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975.
24. Стенографический отчет государственной думы. Четвертый созыв. Сессия 5.
25. *Фалеев В.* Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения. 1991. № 1. С. 58–63.
26. *Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham.* W. H. Allen. London, 1977.

